

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Пошехонова О.Е.^{а, *}, Пилькина А.А.^а, Дубовцева Е.Н.^б

^а ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008

^б Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620137

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com (Пошехонова О.Е.);

an-na241@mail.ru (Пилькина А.А.); ket1980@yandex.ru (Дубовцева Е.Н.)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3 (СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

С целью установления культурных традиций населения, оставившего поселение Пякупур 3, и определения положения материалов в имеющейся системе историко-культурных типов, выделенных на севере Западной Сибири, проанализирован уникальный комплекс керамики эпохи энеолита, рассмотрены технология изготовления и орнаментация посуды. В результате зафиксирована близость пякупурской керамики к лесотундровым и тундровым материалам из Западной Сибири, а не к комплексам северотаежной ясунской культуры или древностям из средней тайги.

Ключевые слова: керамические сосуды, традиции, энеолит, север Западной Сибири, поселение Пякупур 3.

Введение

В нижнем течении Оби и на Ямале за последние 70 лет открыто довольно много памятников эпохи энеолита, 11 из них исследованы раскопами разной площади: поселения Сортынья I [Васильев, 1983], Ясунское [Васильев, Глызин, 2008], Лов-санг-хум 2 [Рудковский, Глызин, 2007], Хулюм-сунт [Васильев, 2000b], Амня IA [Стефанов, Морозов, 1992], Горный Сомотнел 1 [Тупахина, Тупахин, 2018], Вары-Хадыта II [Васильев, 2000a], нижние слои городища Усть-Васьеган 1 [Чикунова, Илюшина, 2021], а также захоронения и стоянка в г. Салехарде (Салехард 1, 5) [Мошинская, 1953; Кардаш, 2013, с. 55, 87–90; Кочегов, 2020], могильники Ясунский и Лов-Санг-Хум [Васильев, 1996] (рис. 1, 1). Накопленные данные позволили исследователям выделить археологические культуры, разработать культурно-генетические схемы развития древностей в энеолите, и даже высказать предположение об этнической принадлежности населения этого обширного региона [Чернецов, 1953; Лашук, Хлобыстин, 1986; Кокшаров, 2009]. Были выделены следующие культуры / культурные типы / типы керамики: йоркутинская [Королев, Хлобыстин, 1969], ясунская [Васильев, Глызин, 2010] и «вары-хадыта» [Васильев, 2011], для каждой / каждого из них предложен механизм формирования и рассмотрен состав компонентов.

В восточной части севера Западной Сибири, в бассейнах рек Пур и Таз, памятники этого периода единичны, на сегодняшний день есть сведения только о трех объектах. К энеолиту, судя по точной датировке, относится жилище 10 поселения Сугмутен-ягун IV, но в нем практически полностью отсутствовала керамика [Косинская, 2000]. Возможен энеолитический возраст поселения Налимий ручей 2, обнаруженного недавно в верховьях Таза. К энеолиту относится часть материалов третьего памятника — поселения Пякупур 3, исследованного одним из авторов в 2008 и 2018 гг.

Поселение Пякупур 3 — довольно сложный объект, время его существования охватывает промежуток от энеолита до раннего железного века. В 2008 г. из раскопа площадью 36 м² были получены многочисленные материалы, датированные по углю ранней бронзой. Однако уже тогда было отмечено, что 6 из 40 обнаруженных керамических сосудов отличались от остальных. Они были самыми тонкостенными, в формовочной массе трех емкостей зафиксирована слюда, поверхности некоторых горшков были тщательно уплотнены (залощены), более плотный орнамент был нанесен изящным гребенчатым или гладким штампом и инструментом с рабочей поверхностью в виде скобочки [Пошехонова, Скочина, 2012]. В тот момент данных для отнесения этих сосудов к иному хронологическому или культурному пласту было недостаточно. Работы 2018 г. значительно расширили источниковую базу и позволили пересмотреть предварительные выводы о культурной и хронологической принадлежности пякупурских материалов.

Для рассмотрения культурно-исторических процессов, происходивших на севере Западной Сибири в эпоху энеолита, весьма актуально обращение к уникальному комплексу керамики по-

* Corresponding author.

селения Пякупур 3. Целью данного исследования является установление культурных традиций населения, оставившего поселение Пякупур 3, и определение положения материалов в имеющейся системе историко-культурных типов, выделенных на севере Западной Сибири. Задачи исследования: 1) характеристика традиций керамического производства, включая технологию изготовления и орнаментацию посуды; 2) сопоставление полученных данных с широким кругом материалов из Западной Сибири синхронного и последующего времени.

Описание памятника, планиграфия и стратиграфия раскопов

Поселение Пякупур 3 находилось в верхнем течении р. Пякупур (рис. 1, 1) и занимало участок протяженностью 335 м (рис. 1, 2), при этом выраженные в современном рельефе объекты на мысу отсутствовали. Из-за промышленного освоения центральная часть поселения была разрушена. За два полевых сезона шестью раскопами общей площадью около 1700 м² памятник исследован полностью, изучены не только все сохранившиеся участки с культурным слоем, но и «стерильные» площади в глубине террасы.

Культурный слой памятника сохранился плохо, но не только из-за современного воздействия. В данном районе развиты эоловые процессы с преобладанием денудационных явлений, которые фиксируются в рельефе в виде котловин выдувания. При этом разрушаются не только эоловые отложения, но и погребенные под ними почвы и культурные слои. Палеопочвоведческие наблюдения зафиксировали разрушение культурного слоя после прекращения функционирования поселений. Вероятно, этому способствовало сведение растительности древними людьми в окрестностях поселка, которое спровоцировало эоловые процессы. В результате воздействия этих процессов культурный слой раздуло, а предметы остались лежать на месте на одном уровне. Исключение составили сильно заглубленные в материк ямы и прокалы: в них культурные отложения определялись довольно четко, а находки залегали на разных глубинах. В остальных местах раскопов мы обнаруживали предметы сразу под лесной подстилкой, на глубине 5–20 см и зачастую в стерильном подзоле. Установлено, что только спустя несколько сотен лет почвообразование на мысу продолжилось в нормальном режиме, по подзолистому типу.

Предметы эпохи энеолита были обнаружены на площади раскопов 1, 3 и в сборах, однако керамика в раскопе 3 отсутствовала, поэтому в статье речь пойдет о материалах из раскопа 1. В нем были найдены только материалы ранних эпох, керамика раннего железного века и поздней бронзы лежала в центре памятника, на разрушенной поверхности. Раскоп 1 площадью 828 м² был заложен на сохранившемся участке стрелки мыса, в него включена площадь, исследованная в 2008 г. (рис. 1, 2, 3). Керамика энеолита и ранней бронзы значительно различалась по морфологии, прослежено ее разное планиграфическое залегание (рис. 1, 3) и установлено место проживания на мысу энеолитического коллектива.

Керамика раннебронзового времени, датированная по пяти пробам угля, находилась исключительно в юго-западной части раскопа. Посуда данного периода представлена толсто-стенными крупными круглодонными сосудами, орнамент в верхней части и на тулове разрежен, в придонной части и на дне узор более плотный. Сосуды украшены ямками, оттисками гладкого и гребенчатого штампа, нанесенными в технике «шагания» и «штампования». В целом орнамент и сама посуда выполнены очень небрежно, фрагменты рыхлые, низкого качества обжига, вследствие чего буквально рассыпаются в руках [Пошехонова, Скочина, 2012]. Энеолитическая керамика, имеющая совершенно другие характеристики, локализовалась в основном в северо-восточной части раскопа, вокруг ям и прокалов, из которых получены соответствующие даты. Встречалась она и на юго-западе раскопа, но только в переотложенном виде. Эти наблюдения позволили предположить, что поселок в эпоху энеолита существовал на всей поверхности мыса, а в раннюю бронзу люди жили только на самой стрелке.

На «энеолитическом» участке были изучены около десяти ям и пять прокалов. Отсутствие остатков жилищ можно объяснить воздействием описанных выше денудационных процессов, которые попросту уничтожили следы их существования. Но не исключено, что на мысу в эпоху энеолита люди жили в легких наземных постройках, следы которых и не должны были сохраниться. Кострища 5–7, скорее всего, использовались как жилищные очаги. В них встречено множество мелких кальцинированных косточек. По краям прокалов 6 и 7 напротив друг друга были обнаружены угольные пятна округлой формы диаметром 6–8 см, глубиной 20 см. Они являлись столбовыми ямками, оставшимися от установленных вертикально жердей — опор очажной конструкции.

Образование прокалов 8 и 9 иное, они выделялись большими размерами и расплывчатыми очертаниями. Рядом с кострищем 9 в ямке с прокаленным песком была обнаружена часть мел-

кой тонкостенной чашечки, а в нескольких метрах от кострища 7 — фрагмент орнаментированной керамики, которые подверглись воздействию высоких температур. Они стали пористые и легкие, поверхность их вспенилась, но отсутствие шлаков говорит, что эта посуда не была задействована в металлургическом производстве¹. Керамика в таком же состоянии была обнаружена на памятниках эпохи неолита Большая Умытья 100 и Чилимка 5, возможно, она является браком, получившимся при обжиге.

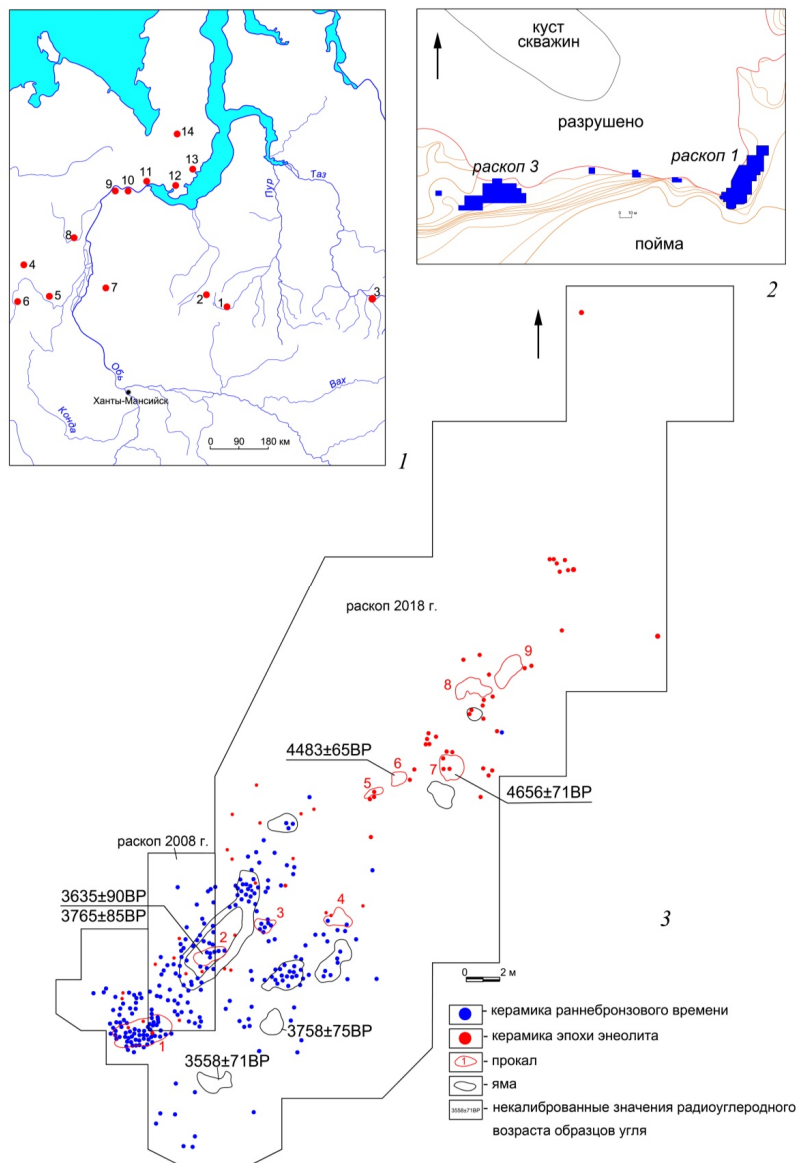

Рис. 1. Расположение памятников эпохи энеолита на севере Западной Сибири (1), план (2) и планиграфия распространения керамики в раскопе 1 поселения Пякупур 3 (3).
 На карте: 1 — Пякупур 3; 2 — Сугмутен-ягун IV; 3 — Налимий ручей 2; 4 — Ясунское; 5 — Сортын'я I; 6 — Хулюм-сунт; 7 — Амня IA; 8 — Лов-санг-хум 2; 9 — Салехард 1, 5 и Пернашор; 10 — Усть-Васьеган 1; 11 — Горный Самотнел 1; 12 — Вары-Хадьта II; 13 — Бухта Находка; 14 — Йоркутинская.
Fig. 1. Location of Eneolithic sites in the north of Western Siberia (1), plan (2) and planigraphy of the distribution of ceramics in excavation 1 of the Pyakupur 3 settlement (3).
 On the map: 1 — Pyakupur 3; 2 — Sugmuten-yagun IV; 3 — Nalimiy ruchey 2; 4 — Yasunskoe; 5 — Sortyn'ya I; 6 — Khulium-sunt; 7 — Amnia IA; 8 — Lov-sang-khum 2; 9 — Salekhard 1, 5 i Pernashor; 10 — Ust'-Vas'egan 1; 11 — Gorniy Samotnel 1; 12 — Vary-Khadyta II; 13 — Bukhta Nakhodka; 14 — Yorkutinskaya.

¹ Выражаем благодарность г.н.с. ИПОС ФИЦ ТюмНЦ СО РАН А.Д. Дегтяревой за анализ этих фрагментов.

Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3...

Стоит отметить, что насыщенность керамическим материалом «энеолитического» участка мыса была довольно слабая. Основную массу находок составил каменный инвентарь. От раннебронзового комплекса каменные орудия труда эпохи энеолита отличались сырьем — примерно треть из них были выполнены из изотропных пород, но основная доля камня все же представлена изделиями из кварца, сланца и песчаника.

Материал и методы

В работе исследуются морфологические характеристики керамики и некоторые элементы гончарной технологии (отбор исходного пластичного сырья, состав формовочной массы, обработка поверхностей) как отражение культурных традиций [Бобринский, 1978, 1999] племен, проживавших на мысу террасы р. Пякупур в энеолите. Всего для анализа привлечены 38 сосудов эпохи энеолита из раскопов 2008 и 2018 гг., большинство из которых представлены обломками оригинальных стенок и днищ, только у 11 емкостей имелись венчики. Для удобства анализа каждому сосуду присвоен порядковый номер (см. номера в подрисуночных подписях).

Мы использовали традиционные методы археологического исследования: морфологический, статистический, типологический. Изучение орнамента включало два блока: технологический (инструмент и техника нанесения) и стилистический (структурные компоненты декора, характер системной организации компонентов, композиции). В качестве основных структурных компонентов декора рассматривались элемент («отпечаток» или динамический след на поверхности сосуда, созданный мастером за один трудовой акт) и мотив (организованные элементы и узоры, определенным образом повторяющиеся (тиражирующиеся) на поверхности сосуда) [Цетлин, 2017, с. 245]. Для удобства представления композиции орнаментов проведена графическая реконструкция сосудов. Кроме того, был выполнен технико-техно-логический анализ части коллекции. Анализ производился с помощью бинокулярного микроскопа «МБС-10» по методике А.А. Бобринского [1978, 1999].

Морфология и типология посуды

Несмотря на кажущееся разнообразие форм и орнаментов, сосуды без сомнения составляют единый комплекс, сформировавшийся за относительно непродолжительный период существования поселения. Подтверждает это расположение «подбирающихся» фрагментов от одного сосуда в разных археологических объектах и рядом с ними. Характеризуя комплекс, в первую очередь нужно обратить внимание на аккуратность и тщательность изготовления энеолитической посуды. Основные характеристики керамики приведены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика керамических сосудов эпохи энеолита поселения Пякупур 3

Table 1

Characteristics of ceramic vessels from the Eneolithic period at the Pyakupur 3 settlement

Признак	N (%)	Признак	N (%)
<i>Форма сосуда (15 ед.)</i>		Стержень	1 (2)
Баночная	10 (67)	Скобочка	2 (5)
Ладьевидная	5 (33)	<i>Техника нанесения (37 ед.)</i>	
<i>Форма дна (7 ед.)</i>		Наколы (штампование)	31 (83)
Плоское (уплощенное)	3 (43)	Шагание	8 (21)
Круглое	4 (57)	<i>Элемент орнаментации (37 ед.)</i>	
<i>Форма венчика (11 ед.)</i>		Оттиски:	37 (100)
Загнут внутрь, с ребром	2 (18)	Составляющие крест	4 (11)
Прямой	9 (82)	Сгруппированные оттиски	4 (11)
<i>Срез венчика (11 ед.)</i>		Составляющие соты	2 (5)
Плоский	4 (36)	Составляющие елочку	1 (2)
Округлый	6 (55)	Составляющие зигзаг	3 (8)
Острый	1 (9)	<i>Мотив (37 ед.)</i>	
<i>Орнаментир (37 ед.)</i>		Горизонтальный ряд	34 (91)
Длинный гребенчатый штамп	16 (43)	Зигзаг	4 (11)
Короткий гребенчатый штамп	11 (29)	Ромб	3 (8)
Короткий гладкий штамп	12 (32)	Треугольник	3 (8)
Длинный гладкий штамп	1 (2)	Вертикальный ряд	1 (2)

Из 38 сосудов форма реконструирована для 15: 10 из них банки, 5 — ладьи (табл. 1). Венчики 9 сосудов прямые, у одной ладьи он загнут внутрь. Срез венчика в шести случаях округ-

лый, четыре венчика имеют плоский срез и один — приостренный. У четырех фрагментов присутствует орнамент на срезе. Из них два украшены насечками гладкого штампа, один — оттисками гребенчатого штампа, последний — треугольными вдавлениями. Форма дна установлена у 7 баночных сосудов — две емкости с уплощенным дном, одна плоскодонная и четыре круглодонные. Стенки сосудов прямые, иногда слегка наклонные внутрь, у одного мелкого сосуда — чашечки имеется ребро в верхней части (рис. 4, 2).

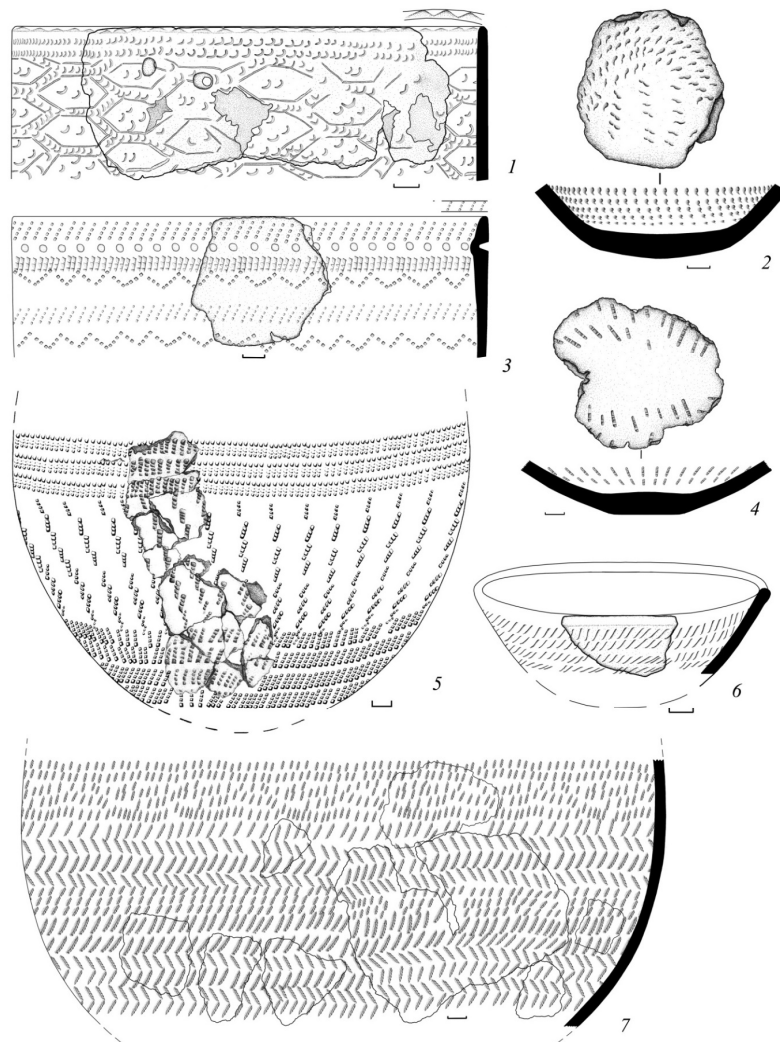

Рис. 2. Энеолитическая керамика поселения Пякупур 3 с указанием номеров сосудов:

1 — № 3; 2 — № 5; 3 — № 37; 4 — № 4; 5 — № 32; 6 — № 11; 7 — № 36.

Fig. 2. Eneolithic pottery from the Pyakupur 3 settlement, indicating vessel numbers.

Диаметр по венчику баночных сосудов установлен только в трех случаях — 14; 14 и 19 см. Для двух других сосудов известен диаметр наиболее выступающей части тулова — 23,5 и 37 см. Диаметр дна плоскодонного сосуда 8 см, у одного из уплощенных — 9 см. Еще у одного уплощенного дна установлен примерный диаметр придонной части — 12 см. Толщина стенок варьируется от 0,3 до 0,8 см, но преобладает 0,5–0,6 см. Ладьевидные сосуды небольшие, низкие (высота стенок 3–7 см), с уплощенным дном, точные размеры неизвестны.

В коллекции есть один неорнаментированный сосуд ладьевидного типа (рис. 4, 18). Для украшения остальной посуды гончары использовали гладкий (32 %) или двух-, трехзубый гребенчатый (29 %) штамп с короткой рабочей поверхностью. Эти штампы очень узкие и ровные, у некоторых слегка загнут кончик. На другой посуде в качестве орнамента использовался узкий, но длинный гребенчатый штамп (43 %), рабочая поверхность которого длиной от 1,5 до 3 см. Один сосуд укра-

Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3...

шен рамчатым штампом. Два сосуда декорированы инструментом с рабочей поверхностью в виде гладкой скобочки (5 %). Стержень для нанесения ямок использован единожды.

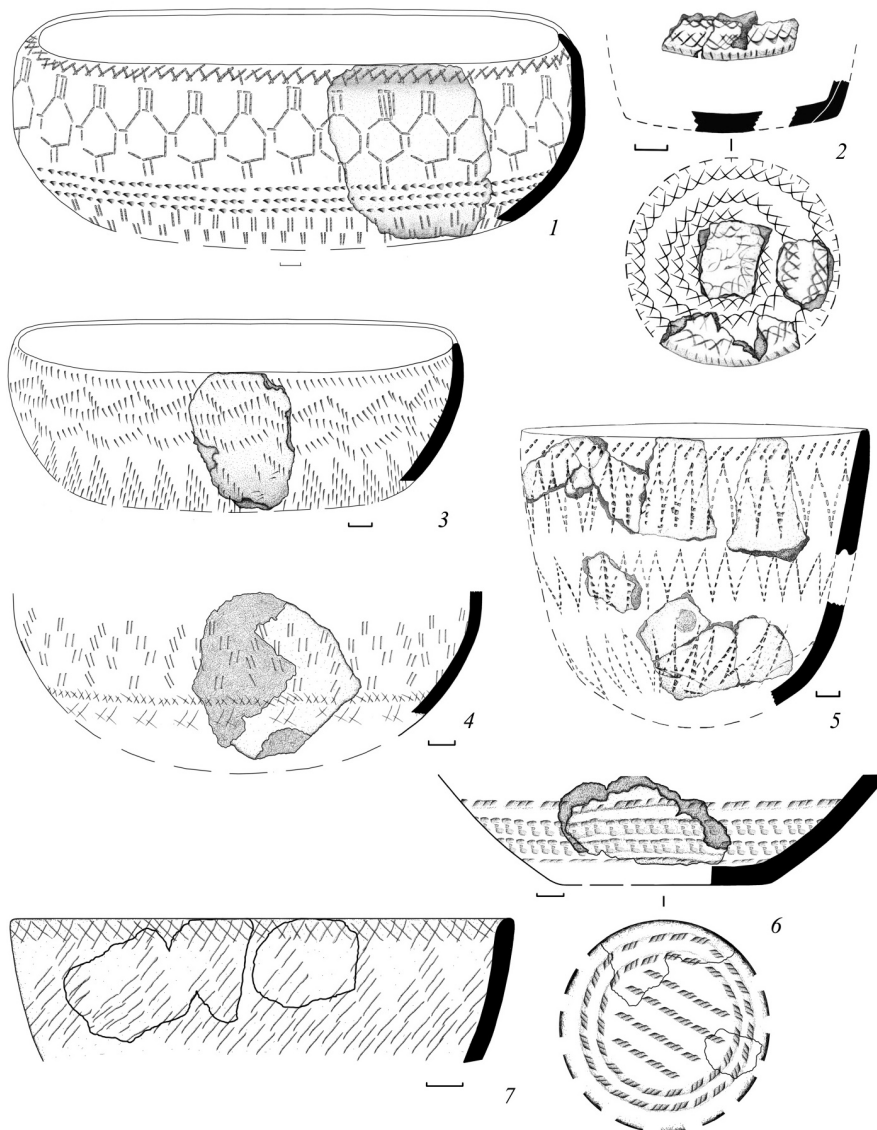

Рис. 3. Энеолитическая керамика поселения Пякупур 3 с указанием номеров сосудов:

1 — № 2; 2 — № 33; 3 — № 18; 4 — № 14; 5 — № 34; 6 — № 38; 7 — № 12.

Fig. 3. Eneolithic pottery from the Pyakupur 3 settlement, indicating vessel numbers.

Доминирующим способом орнаментации является штампование и накальвание (83 %), реже использовалось шагание (21 %). Преобладают сосуды, украшенные только в одной технике, но на 5 % емкостей отмечается сочетание двух способов орнаментации. Доминирующими элементами декора являются прямые и наклонные оттиски гладкого или гребенчатого штампа (100 %). На четырех сосудах оттиски составляют крест (11 %). В трех случаях он выполнен гладким штампом, в одном — гребенчатым. Оттиски гребенки, составляющие зигзаг, присутствуют на трех сосудах (8 %). Еще на четырех сосудах оттиски сдвоены или сгруппированы по четыре (11 %). На двух сосудах отпечатки гладкого или гребенчатого штампов составляют соты (5 %). Единжды отмечена «елочка», выполненная рамчатым штампом.

Элементы образуют разнообразные мотивы. Преобладает мотив из горизонтальных рядов вышеперечисленных элементов (91 %). В одном случае имеются вертикальные ряды оттисков (рис. 2, 5). Мотив в виде зигзага присутствует на 4 сосудах (11 %) (рис. 3, 3; 4, 4, 11, 12). На од-

ном из них он составлен из коротких оттисков гладкого штампа, на двух — из оттисков длинной и короткой гребенки. На трех емкостях мотив представлен ромбами (5 %) (рис. 3, 4; 4, 7, 9, 10), еще на трех — треугольниками, заполненными или пустыми (11 %) (рис. 3, 3, 7; 4, 5). В основном фигуры образованы оттисками гладкого штампа, в одном случае — длиной гребенкой. Еще на одном сосуде ромбы составлены из оттисков штампа в виде скобочки.

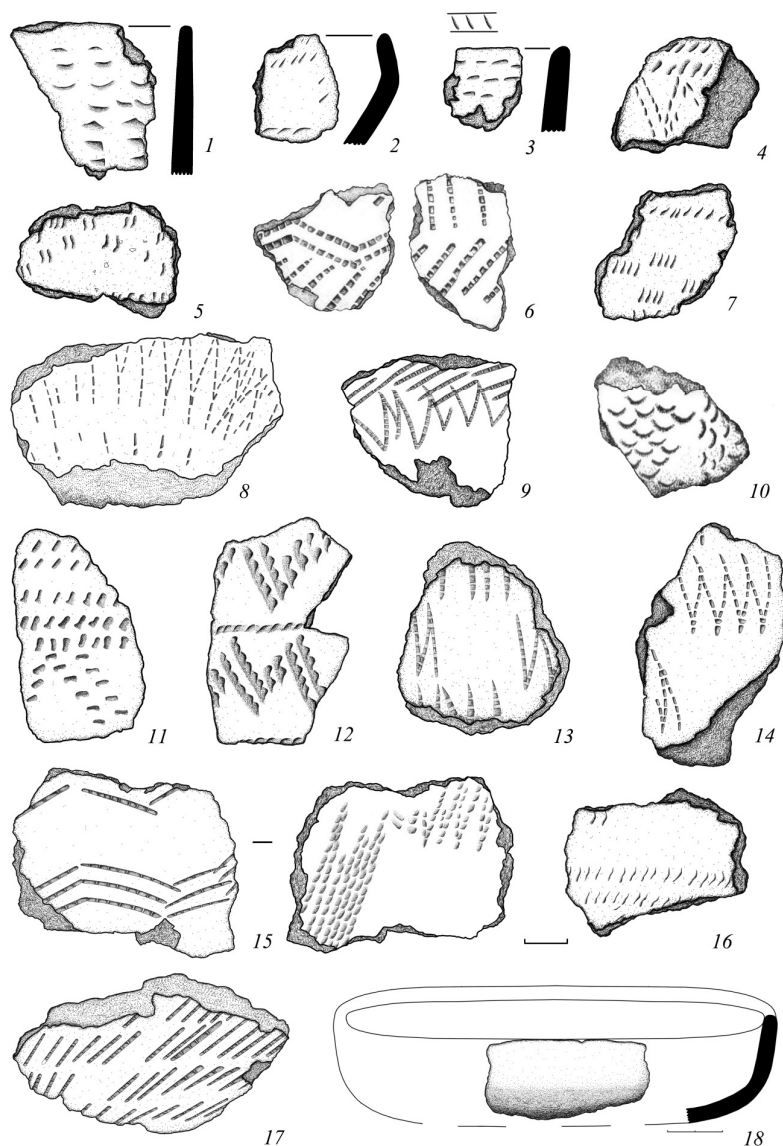

Рис. 4. Энеолитическая керамика поселения Пякупур 3 с указанием номеров сосудов:
 1 — № 26; 2 — № 22; 3 — № 31; 4 — № 24; 5 — № 29; 6 — № 35; 7 — № 21; 8 — № 20; 9 — № 16; 10 — № 28;
 11 — № 17; 12 — № 13; 13 — № 27; 14 — № 7; 15 — № 9; 16 — № 19; 17 — № 8; 18 — № 1.

Fig. 4. Eneolithic pottery from the Pyakupur 3 settlement, indicating vessel numbers.

О композициях можно судить только по 10 графически реконструированным сосудам. Среди них выделяются простые и сложные. Простые состоят из одинаковых повторяющихся мотивов, например горизонтальных или вертикальных рядов: сосуды № 11, 32, 34, 36, 37 и др. (рис. 2, 5–7). Сложные композиции сочетают несколько разных мотивов, например ряды из оттисков, треугольники и зигзаг. В этом аспекте примечательны сосуды № 2, 3 с сотовым орнаментом и две емкости (№ 14 и 18), украшенные оттисками гладкого штампа. Первый из них ладьевидный, орнаментирован по венчику рядом крестов из оттисков короткой гребенки, которую использовали для нанесения и всего остального узора. По тулову идет лента, состоящая из геометрических фигур (сот), напоминающих фигурки людей. Переход от тулова ко дну обозначен тремя рядами наколов

Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3...

раздвоенным уголком того же штампа. По дну сосуд украшен сдвоенными вертикальными оттисками, расположенными в шахматном порядке (рис. 3, 1). Второй сосуд, вероятно, круглодонный и прямостенный, срез венчика декорирован треугольными вдавлениями. По венчику нанесены два ряда оттисков скобочки. Тулово полностью украшено многоугольными фигурами (соты), состоящими из оттисков гладкого штампа и скобочки (рис. 2, 1). У последних двух сосудов мотивы из треугольников, ромбов и других фигур разделены рядами оттисков, поставленных крест-накрест или образующих зигзаг (рис. 3, 3, 4). Небольшие фрагменты стенок также дают основание полагать наличие на тулове сосудов сложных композиций (рис. 4, 7, 11, 12, 16).

Три сосуда имеют оригинальный орнамент. Первый (№ 37) — прямостенный, по венчику украшен пояском ямочных вдавлений с «жемчужинами» на обратной стороне, а по тулову — чередующимися рядами зигзага и наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 2, 3). Следующий сосуд — круглодонный, имеет очень плотный узор, построенный по горизонтально-зональной схеме (№ 36). Композиция орнамента состоит из рядов оттисков рамчатого штампа. Некоторые ряды, за счет разного наклона оттисков, образуют «елочку». Причем оттиски выполнены как всей поверхностью штампа, так и ее частью (рис. 2, 7). Еще один горшок реконструирован по фрагментам придонной части и днища (№ 38). Он имеет уплощенное дно и довольно большую толщину стенок. Орнаментирован сосуд поясками плотно поставленных глубоких наклонных оттисков толстого трехзубого гребенчатого штампа. Этот штамп сильно отличается от других зубчатых орнаментов, которые использовали гончары поселка (рис. 3, 6).

Технико-технологический анализ керамики

Поскольку комплекс сильно фрагментирован, полный анализ всех этапов керамического производства невозможен. Были исследованы исходное сырье, формовочные массы и обработка поверхности посуды. Всего проанализировано 19 сосудов (50 % от общего числа емкостей).

Установлено, что гончарами поселения Пякупур 3 использовалась ожелезненная глина разной степени запесоченности и с разнообразными естественными примесями (табл. 2). Можно выделить три вида исходного сырья (ИС): 1) незапесоченная глина, в составе которой единично встречается окатанный прозрачный кварцевый песок, размер фракций не превышает 0,3 мм (8 образцов); 2) запесоченная глина с примесью пылевидного песка и мелкого кварцевого песка и примесью органики, которая фиксируется по выгоревшим пустотам от стеблей и листьев растений (9 образцов); 3) сильнозапесоченная глина, в составе которой находится большое количество окатанного или остроугольного песка полиминерального состава, размер фракций 0,3–0,5 мм (2 образца).

Таблица 2

Соотношение исходного сырья и формовочных масс керамических сосудов эпохи энеолита поселения Пякупур 3

Table 2

Ratio of initial raw materials and clay raw materials of ceramic vessels of the Eneolithic period of the Pyakupur 3 settlement

Формовочная масса	ИС вид 1, № сосуда	ИС вид 2, № сосуда	ИС вид 3, № сосуда	Всего образцов
Глина + шамот	35, 4	32, 34, 1, 12, 26	33	8
Глина + шамот + органический раствор	36, 22	20	—	3
Глина + дресва	15, 21	18, 37	8	5
Глина + дресва + шамот	10, 2	3	—	3
Всего образцов	8	9	2	19

Анализ формовочных масс позволил выделить три основных рецепта: с шамотом (далее — Ш), с дресвой (далее — Д) и сочетающий эти минеральные добавки. В группе керамики с примесью шамота можно выделить подгруппу с добавлением органического раствора (далее — Ор.).

Дресва представлена мелкими остроугольными пластинами слюды, она мягкая и легко слоируется, имеет желтоватый, золотистый или серебристый цвет. Визуально напоминает тальк. Помимо отдельных конкреций слюды встречаются конгломераты из слюды, кварца и минерала темно-серого цвета, размер таких конкреций достигает 3 мм. Концентрация дресвы довольно высокая: 1:3, 1:4. В смешанном рецепте Г + Ш + Д — 1:5, 1:6. Выходы камня в окрестностях памятника представлены двумя крупными моренами. Видимо, именно там жители поселка брали сырье для производства орудий труда и дресвы. Проходя мимо одной из них каждый день, мы

осматривали множество галек. Нам попадались гальки из крупнозернистых пород, но с большим содержанием слюды были чрезвычайно редки. То есть, видимо, древние гончары выискивали такие экземпляры и, возможно, каким-то образом получали из дробленой породы слюду.

Шамот представлен обломками сосудов, примесь не калибровалась. Большинство включений имеют размер до 2 мм, реже встречаются крупные зерна — до 4–5 мм. Концентрация шамота, как правило, невелика: 1:6 и 1:7. Шамот отличается по составу. В шести случаях использовался шамот из незапесоченной глины, сходный по составу с ИС, это характерно для формовочных масс Г + Ш; Г + Ш + Ор.р. Для группы сосудов со смешанным рецептом Г + Ш + Д характерно использование шамота с примесью слюды. Иногда кусочки слюды выпадали из шамота и попадали в исходное сырье, но они всегда концентрировались вокруг шамота.

Так как керамический комплекс фрагментированный, способы конструирования сосудов в большинстве случаев определить не удалось. Для некоторых фрагментов можно отметить крепление строительных элементов встык. На внутренней поверхности сосуда № 34 сохранились позитивы орнамента сосуда-основы, на котором он изготавливался. После снятия с основы эти отпечатки и спаи между строительными элементами были заглажены гребенчатым штампом. В связи с этим можно полагать, что часть сосудов выполнялась на или в формах-моделях, в качестве которых использовались другие керамические горшки. В качестве прокладки, возможно, применялся текстиль. Его отпечатки фиксируются на нескольких фрагментах снаружи или внутри (№ 9, 36). Способ изготовления сосудов на формах-моделях был зафиксирован при анализе древностей до-сейминского периода эпохи бронзы [Кокшаров, 2011], однако на севере Западной Сибири он был широко распространен и в неолитическое время [Дубовцева, Клементьева, 2014, с. 249]. К сожалению, керамика энеолитического возраста с этой точки зрения практически не анализировалась, опубликованы лишь единичные наблюдения [Клементьева, Погодин, 2017, с. 52]. Этот способ конструирования был традиционен для гончарства таежной зоны с VI тыс. до н. э. Наличие негативов орнамента сосудов-моделей связано не с изменением способа конструирования, а с изменением традиции обработки внутренней поверхности емкости, при которой эти следы специально сохранялись.

Следы первичной обработки поверхностей на большинстве сосудов не сохранились, лишь в редких случаях фиксируется заглаживание гребенчатым или гладким шпателем, вторичная обработка производилась заглаживанием мягким материалом. На пяти сосудах также фиксируется уплотнение внешней и внутренней поверхности до слабого блеска твердым инструментом. На внутренней поверхности одного сосуда зафиксировано «шагание» гребенчатым штампом (№ 9). Внешняя поверхность двух других емкостей окрашена охрой (№ 12 и 34), но краска осыпалась; скорее всего, она наносилась на уже обожженный сосуд в сухом виде. На поверхности одного сосуда (№ 1) зафиксирован рыхлый бежевый налет, внешне он напоминает осадок известняка. Состав требует проверки.

Изученная керамика окрашена в светлые коричневые тона. Излом, как правило, черный или темно-серый, реже — трех- или двухслойный. В случае трехслойного излома внешние и внутренние светлые прослойки очень тонкие, темный слой посередине заполняет почти всю толщину черепка. Такая картина свидетельствует о костровом обжиге в неустойчивой окислительной среде с кратковременной выдержкой.

В заключение следует отметить, что корреляции между орнаментом на сосудах и гончарной технологией не отмечено. Три сосуда с оригинальным узором, описанные выше, также не имеют индивидуальных особенностей в технологии изготовления. Планиграфически керамика с различными формовочными массами не разделяется. Но интересен факт, что в смешанной группе (Г + Ш + Д) используется только шамот с дресвой. Возможно, это указывает на хронологические различия между группами.

Обсуждение результатов

Энеолитические сосуды поселения Пякупур 3 по орнаменту и формам разнообразны, как и посуда на всех других памятниках этого времени севера Западной Сибири. Однако особенности залегания фрагментов и технология изготовления керамики указывают на однородность комплекса, который, судя по результатам радиоуглеродного анализа, датируется второй половиной IV тыс. до н.э. (табл. 3, рис. 5). Пробы угля были взяты в очагах 6 и 7 на глубине 25–35 см от поверхности. Необходимо отметить, что культурный слой в этом месте не подвергся современному техногенному воздействию.

Переходя к сопоставлениям, в первую очередь необходимо обратиться к материалам из более южных областей Западной Сибири — из среднетаежной зоны. Наиболее изученными на

Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3...

данный момент являются энеолитические комплексы Среднего Зауралья [Чаиркина, 2005] и бассейна р. Конды [Кокшаров, 2009]. Отдельные сосуды поселения Пякупур 3 находят параллели в атымьинской и волвончинской [Кокшаров, 2009, рис. 60], елизаветинской [Чаиркина, 2005, рис. 57, 5], а также барсовогорской [Чемякин, 2008, рис. 22] керамике. В первую очередь это проявляется в морфологии и орнаментации сосудов: в наличии малых и нестандартных форм, в том числе ладьевидных, использовании гребенчатых орнаментов в технике шагания и штампования, применении гладких штампов для нанесения наколов/оттисков и единичных орнаментальных мотивах. Однако большинство перечисленных черт широко распространены в таежной зоне и носят, скорее всего, стадильный характер. Гораздо больше сходных признаков анализируемый памятник имеет с комплексами северотаежной и тундровой зон.

Таблица 3

Калиброванные и некалиброванные значения радиоуглеродного возраста образцов угля с поселения Пякупур 3

Table 3

Calibrated and uncalibrated values of the radiocarbon age of carbon samples of the Pyakupur 3 settlement

Код лаборатории	¹⁴ C л.н.	Калиброванное значение, кал. л. до н.э.		Калибровочная программа
		1σ (68 %)	2σ (94,5 %)	
NSKA-2228	4483 ± 65	3339–3206	3363–3009	Calib 8.20
NSKA-2229	4656 ± 71	3521–3364	3634–3328	»

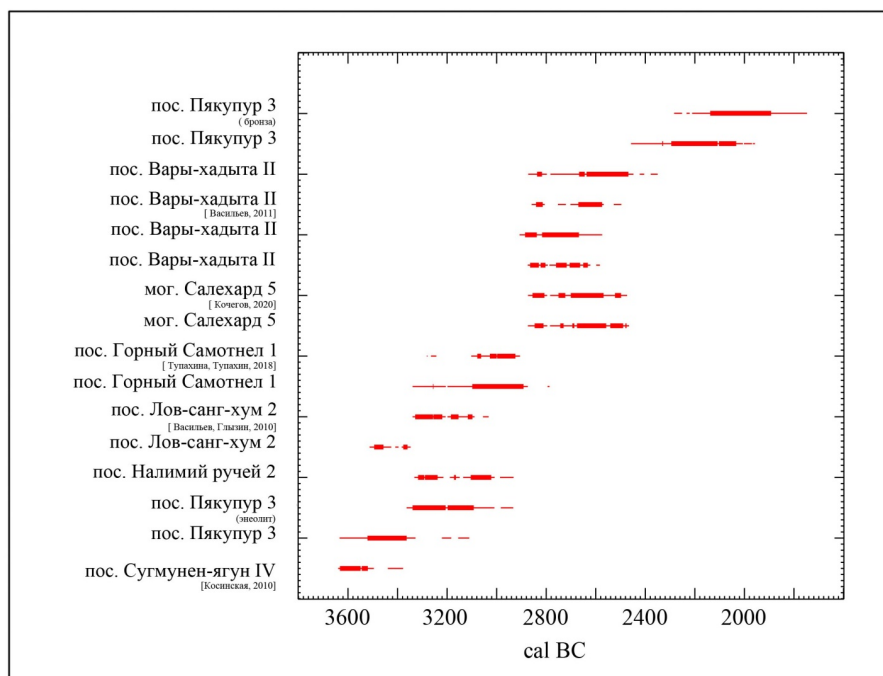

Рис. 5. Радиоуглеродная датировка памятников севера Западной Сибири.
Fig. 5. Radiocarbon dating of sites in the North of Western Siberia.

На каждом памятнике энеолита этого региона обязательно присутствуют ладьевидные сосуды, и в довольно больших количествах. К примеру, на поселении Амня IА таких найдено 16 %, а на Лов-санг-хум II — 11 % от общего числа емкостей [Васильев, Глызин, 2010], на памятниках Вары-Хадьга II [Васильев, 2000а] и Горный Самотнел I [Тупахина, Тупахин, 2018, с. 25–37] ладьи еще более многочисленны. В захоронении Салехард 5 обе керамические емкости были ладьевидного типа [Кочегов, 2020]. Но кроме ладей на каждом энеолитическом памятнике обнаружена керамика других нестандартных форм [Мошинская, 1953; Васильев, 2000; Васильев, Глызин, 2010; Тупахина, Тупахин, 2018, с. 25–37], чего на Пякупуре 3 не отмечено, как и сосудов больших размеров.

По форме остальные сосуды памятников севера Западной Сибири эпохи энеолита делятся на емкости с прямыми и профилированными стенками. Так, для памятников ясунской культуры

характерны чаши и профилированные сосуды (яйцевидные и горшковидные) [Васильев, Глызин, 2010]. На Йоркутинской стоянке были найдены емкости «митровидной» формы [Королев, Хлобыстин, 1969], а на стоянке Салехард 1 — параболоидные сосуды и чаши [Мошинская, 1953]. На памятниках Горный Самотнел 1, Вары-Хадыта II, Усть-Васъеган 1 встречены чаши и сосуды только с прямыми стенками [Тупахина, Тупахин, 2018, с. 25–37; Васильев, 2000а; Чикунова, Илюшина, 2021]. Как и на Пякупуре, на стоянке Салехард 1 обнаружены единичные «реберчатые» чаши [Мошинская, 1953, с. 184]. Плоские днища на энеолитических памятниках также редки, как и на поселении Пякупур 3, керамика в основном круглодонная или с уплощенными донцами. А для сосудов ясунской культуры плоское дно не характерно в принципе [Васильев, Глызин, 2010]. Исходя из вышеперечисленных признаков заключаем, что посуда поселения Пякупур 3 по форме ближе к тундровым, нежели к таежным комплексам.

Если сравнивать орнаментацию пякупурского комплекса керамики с ясунскими сосудами, то разница между ними ощутима, хотя хронологически они очень близки и найдены примерно на одной широте (рис. 1, 1). Единственный ясунский памятник, для которого имеется точная датировка (поселение Лов-Санг-хум 2), существовал также во второй половине IV тыс. до н.э. (рис. 5). Для 20 памятников, которые отнесены Е.А. Васильевым и И.П. Глызиным к ясунской археологической культуре, характерно использование для орнамента посуды гребенчатых и фигурных штампов, реже применялся гладкий штамп. Причем для украшения одного сосуда применяли сразу несколько разных орнаментов. В верхней части практически всех горшков нанесено 1–8 рядов ямок с «жемчужинами» на внутренней поверхности. Очень плотным узором покрывалась вся поверхность емкости. *«Композиционными доминантами являются геометрические мотивы: усложненные зигзаги, сложно структурированные треугольные фигуры, крупные шестиугольники — “соты”, параллелограммы, вытянутые в цепочку или вписанные в сетку ромбы»* [Васильев, Глызин, 2010, с. 122].

Для украшения пякупурской керамики использовались в первую очередь гребенчатый штамп и гладкая прямая лопаточка, фигурный же штамп единичен (5 %). Интересно, что рабочая поверхность единственного фигурного орнамента имеет форму скобочки или арочки, на ясунских сосудах применялся такой же, только с зубчатой нарезкой. К примеру, на пернашерской керамике, которая также отнесена к ясунской культуре [Васильев, Глызин, 2010], ряды мелкозубчатых арочных вдавлений образуют подобие чешуйчатого узора [Лашук, Хлобыстин, 1986].

Значительно большим сходством обладают пякупурские орнаменты и узоры на посуде памятников Горный Самотнел 1, Салехард 1, 5, Вары-Хадыта II и Усть-Васъеган 1. Это разреженность орнамента, широкое применение гладкого прямого штампа, штампа «гладкая скобочка» (арочка, дуговидный) и стиль сотового геометризма. Такие мотивы, как крест из оттисков, имеют точные аналогии на стоянке Салехард 1, сгруппированные наколы, которые образуют разные фигуры, — на Усть-Васъегане 1, Вары-Хадыте II и Салехарде 1, а ромбы из оттисков гладкой скобочки встречаются на всех перечисленных памятниках лесотундровой и тундровой зон [Тупахина, Тупахин, 2018; Васильев, 2000а; Чикунова, Илюшина, 2021; Мошинская, 1953; Кардаш, 2013, с. 55, 87–90; Кочегов, 2020].

Однако композиции узоров пякупурской керамики гораздо «беднее», здесь не используется очень эффектный штамп с ячеистой нарезкой, как на Горном Самотнеле 1, Усть-Васъегане 1 и Салехарде 1 [Тупахина, Тупахин, 2018; Чикунова, Илюшина, 2021; Мошинская, 1953]. Не используются отступающе-накольчатая или прочерченная техника, а также великолепные скульптурные элементы [Тупахина, Тупахин, 2018; Мошинская, 1953; Васильев, 2011; Кочегов, 2020].

С более северными памятниками поселение Пякупур 3 также сближает отсутствие в орнаментации ямок, являющихся обязательным элементом для керамики ясунской культуры [Васильев, Глызин, 2010]. Исключение составляет один из трех горшков с «иной» орнаментацией (№ 37): его узор как раз имеет большое сходство с керамикой ясунской культуры, однако сырье, рецепт формовочной массы и обработка поверхностей стандартны для пякупурских древностей. Для двух других «оригинальных» сосудов (№ 36 и 38) аналогии не установлены.

Хронологическая позиция тундровых и лесотундровых памятников различна, и все они датируются более поздним временем, чем Пякупур 3. Поселение Горный Самотнел 1 существовало в конце IV — начале III тыс. до н.э., памятники с аналогичной керамикой — стоянка Салехард 1 [Тупахина, Тупахин, 2018, с. 8, 23] и городище Усть-Васъеган 1, как полагают авторы, одновременны ему (рис. 5) [Чикунова, Илюшина, 2021, с. 71]. Поселение Вары-Хадыта II и могильник Салехард 5 синхронны и датируются первой половиной III тыс. до н.э. (рис. 5) [Василь-

ев, 2011; Кочегов, 2020], хотя Е.А. Васильев почему-то относит памятник Вары-Хадыта II к эпохе ранней бронзы. Его мнению однозначно противоречат четыре даты, полученные в разных лабораториях [Васильев, 2011, с. 214].

По поводу культурной принадлежности памятников Горный Самотнел 1, Салехард 1, Вары-Хадыта II, Усть-Васьеган 1 единого мнения нет. В.И. Мошинская датировала стоянку Салехард 1 серединой II тыс. до н.э. и ближайшие аналогии керамике видела среди сборов на поселении Сортынья II [1953, с. 188]. Е.А. Васильев считает памятники Горный Самотнел 1, Салехард 1 и Вары-Хадыта II однокультурными и одновременными в рамках II тыс. до н.э. [2011]. О.С. Тупахина не соглашается с ним и приводит множество аргументов в пользу родства только Горного Самотнела 1 и Салехарда 1, однозначно относя их к энеолиту и датируя концом IV — началом III тыс. до н.э. на основании многочисленных радиоуглеродных дат и дендрохронологических данных. С более поздним поселением Вары-Хадыта II, по ее мнению, у них больше различий, чем общих черт [Тупахина, Тупахин, 2018, с. 8, 23]. Позиция О.С. Тупахиной, с учетом полученных дат, представляется более обоснованной, так как памятники Горный Самотнел 1 и Вары-Хадыта II разделяет несколько сотен лет. Более аргументирована ее точка зрения и в отношении анализа орнаментов и морфологии керамики поселений: объединяет их только вид орнамента из «оттисков лопаточки» в виде шестиугольников (сот). На керамике поселения Вары-Хадыта II отсутствуют признаки, характерные для Горного Самотнела 1 и Салехарда 1: прочерченные орнаменты в виде прямых и волнистых линий, геометрических фигур — сот, прямоугольников, ромбов, оттисков уголкового штампа с острым рабочим краем и оттисков плоского штампа с фигурной ячеистой нарезкой [Тупахина, Тупахин, 2018, с. 8].

Отсутствие точных данных о технологии производства энеолитической посуды севера Западной Сибири затрудняет сопоставление материалов Пякупура 3 с другими памятниками в данном аспекте. Однако при описании гончарных традиций каждого комплекса авторы указывают на два общих момента, заметных невооруженным глазом. Первое — это примесь слюды в тесте, второе — тщательное заглаживание/полировка поверхности. Отмечают также аккуратность изготовления посуды и плотность черепков из-за хорошего обжига [Васильев, 1983, с. 43; Васильев, Глызин, 2008, с. 103; Васильев, 2000b, с. 63; Тупахина, Тупахин, 2018, с. 25, 26; Васильев, 2000a, с. 25; Мошинская, 1953, с. 184; Кочегов, 2020, с. 328]. Для некоторых памятников ясунской культуры зафиксировано окрашивание емкостей охрой, как и на Пякупуре [Васильев, Глызин, 2008, с. 103]. Это указывает на довольно устойчивую гончарную традицию, характерную для всех племен севера Западной Сибири со второй половины IV до первой половины III тыс. до н.э., и, возможно, их изначальное родство.

Заключение

Таким образом, энеолитическая керамика поселения Пякуপুর 3, обладающая значительным своеобразием, больше похожа на посуду лесотундровых и тундровых поселений, а не на комплексы северотаежной ясунской культуры или древности из средней тайги Западной Сибири. Это позволяет предположить некое культурное родство между племенами, проживавшими на этих отдаленных друг от друга территориях. Однако хронологически Пякуপুর 3 предшествует памятникам Горный Самотнел 1, Салехард 1, Усть-Васьеган 1 и более позднему, но все же энеолитическому поселению Вары-Хадыта II. Скучность источниковой базы с территории бассейнов рек Пур и Таз пока не позволяет ответить на множество вопросов, вытекающих из данного утверждения. Еще в заключении нельзя не отметить, что назрела необходимость систематизации многочисленных данных из лесотундровой и тундровой зон Приобья и, возможно, выделения новых энеолитических культур или культурных типов.

Финансирование. Исследование выполнено по госзаданию, проекты № 121041600045-8, АААА-А16-116040110036-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Васильев Е.А.* Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 40–62.
- Васильев Е.А.* Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 36–46.

- Васильев Е.А.* Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. Салехард, 2000а. Вып. 3. С. 24–31.
- Васильев Е.А.* Поселение Хулюм-сунт // Памятники Югры: Вчера, сегодня, завтра. Томск: Изд-во ТГУ, 2000b. С. 59–71.
- Васильев Е.А.* Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. В. Новгород, 2011. Т. I. С. 212–214.
- Васильев Е.А., Глызин И.П.* Ясунское поселение — памятник энеолитического времени на севере Западной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008. С. 97–117.
- Васильев Е.А., Глызин И.П.* Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 121–124.
- Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю.* Традиции керамического производства неолитического населения бассейна р. Конды // Труды IV (XX) Археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 247–251.
- Кардаш О.В.* Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 380 с.
- Клементьева Т.Ю., Погодин А.А.* Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев реки Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 50–58.
- Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.
- Кокшаров С.Ф.* Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 175–182.
- Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П.* Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. 1969. № 115. С. 79–83.
- Косинская Л.Л.* Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3. С. 13–23.
- Кочегов Е.И.* Погребение эпохи энеолита в Нижнем Приобье // Археология Арктики. Салехард; Омск: Золотой тираж, 2020. № 7. С. 326–337.
- Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П.* Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. М., 1986. Вып. 185. С. 43–50.
- Мошинская В.И.* Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // Древняя история Нижнего Приобья: МИА. М., 1953. Вып. 35. С. 179–188.
- Пошехонова О.Е., Скочина С.Н.* Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в североазиатской зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 31–41.
- Рудковский С.И., Глызин И.П.* Раскопки поселения Лов-санг-хум II // АО 2005 г. М., 2007. С. 509–511.
- Стефанов В.И., Морозов В.М.* Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. С. 77–91.
- Тупахина О.С., Тупахин Д.С.* Поселение эпохи энеолита Горный Сомотнел-1: Материалы и исследования. Омск: Омскбланкиздат, 2018. 149 с.
- Цетлин Ю.Б.* Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья: МИА. М., 1953. Вып. 35. С. 7–71.
- Чикунова И.Ю., Илюшина В.В.* Керамический комплекс городища Усть-Васъеган 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 59–76. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-5>

Poshekhonova O.E.^{a,*}, Pilkina A.A.^a, Dubovtseva E.N.^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Cherishhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

^b Institute History and Archaeology of the Ural Branch of RAS

S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation

E-mail: poshekhonova.olg@gmail.com (Poshekhonova O.E.); an-na241@mail.ru (Pilkina A.A.);

ket1980@yandex.ru (Dubovtseva E.N.)

Eneolithic pottery complex of the settlement of Pyakupur 3 (north of Western Siberia)

In this paper, a unique pottery complex of the Eneolithic period from the settlement of Pyakupur 3, located along the upper course of the Pur River in the sub-zone of the northern taiga, has been analyzed. The aim of this research is to establish cultural traditions of the population who left the settlement behind and to determine the place of the materials within the current system of historical and cultural types identified in the north of Western Siberia. The material for the research is represented by morphological traits of the pottery and by some elements of the pot-

* Corresponding author.

tery technology as a manifestation of the cultural traditions of the populations who inhabited the headland of the terrace of the Pyakupur River in the Eneolithic period. In total, 38 vessels have been included in the analysis, most of which are represented by fragments of the original walls and bottoms; only eleven containers had a collared rim. For the purpose of this work, conventional methods of archaeological research were employed: morphological, statistical, and typological. Furthermore, technical and technological analysis of a part of the collection was carried out with the aid of a binocular microscope MBS-10 following the method of A.A. Bobrinsky. The pottery features the following basic traits: decorated, smaller, and thin-walled vessels. Among the shapes, a significant proportion of cymbiforms stands out, with the rest of the vessels being round-bottomed and one pot — a cup with a ridge. As the ornamentation tools, crested (predominant) and smooth stamps were used, rarely profiled (wire staple), although they practically are not found side by side on the same vessel. The main technique of the ornamentation was embossing. At the level of elements and motifs, presswork and horizontal rows predominate; a significant percentage in the compositions is represented by geometrical patterns. The compositions are more often complex, combining several motifs. It has been found that the pottery of the settlement of Pyakupur 3, exhibiting considerable idiosyncrasy, closely resembles the wares of forest-tundra and tundra settlements, rather than the complexes of the northern-taiga Yasunskaya Culture or antiquities of the middle taiga of Western Siberia, suggesting some cultural affinity of the populations inhabiting these remote from each other territories. However, chronologically, Pyakupur 3 precedes the sites of Gorniy Samotnel 1, Salekhard 1, Ust-Vasyegan 1, and the later, still Eneolithic, settlement of Vary-Khadyta II. The paucity of the source base from the territories of the basins of the rivers Pur and Taz yet does not allow one to answer multiple questions following from this conjecture.

Keywords: ceramic vessels, traditions, Eneolithic, north of Western Siberia, Pyakupur 3 settlement.

REFERENCES

- Bobrinskii, A.A. (1978). *Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural study. In: *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: SamGPU, 5–109. (Rus.).
- Chairkina, N.M. (2005). *Eneolithic of the Middle Trans-Urals*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Chemiakin, Iu.P. (2008). *Barsova Gora: Essays on the archeology of the Surgut Ob region. Drevnost'*. Surgut; Omsk. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1953). Ancient history of the Lower Ob. *Drevniaia istoriia Nizhnego Priob'ia*, (35), 7–71. (Rus.).
- Chikunova, I.Iu., Iliushina, V.V. (2021). Ceramic complex of the ancient settlement Ust-Vasyegan 1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 3(54), 59–76. (Rus.).
- Dubovtseva, E.N., Klement'eva, T.Iu. (2014). Traditions of ceramic production of the Neolithic population of the river basin Konda. In: *Trudy IV (XX) Arheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan', 247–251. (Rus.).
- Kardash, O.V. (2013). *Polui cape town of princes Taishins*. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan. (Rus.).
- Klement'eva, T.Iu., Pogodin, A.A. (2017). Subject drawing on an Eneolithic vessel from the upper reaches of the Konda River. In: *Arheologiya i istoriia Severo-Zapadnoi Sibiri*. Nefteugansk; Ekaterinburg, 50–58. (Rus.).
- Kochegov, E.I. (2020). Burial of Eneolithic in the Lower Ob region. *Arheologiya Arktiki*. Salekhard; Omsk: Zolotoi tirazh, 326–337. (Rus.).
- Koksharov, S.F. (2009). *The Eneolithic monuments of the north of Western Siberia*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Koksharov, S.F. (2011). The use of a template in ceramic production (based on the materials of the Bronze Age of the Urals and the North of Siberia). *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*. 10 (5), 175–182. (Rus.).
- Korolev, Iu.G., Khlobystin, L.P. (1969). Yorkutinskaya site on the Yamal Peninsula. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR*, (115), 79–83. (Rus.).
- Kosinskaia, L.L. (2000). Archaeological monuments of the Pur river basin (results of research in 1990–1998). *Nauchnyi vestnik*. Salekhard, 13–23. (Rus.).
- Lashuk, L.P., Khlobystin, L.P. (1986). The north of Western Siberia in the Bronze Age. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR*, (185), 43–50. (Rus.).
- Moshinskaia, V.I. (1953). Dwelling of the Ust-Poluy culture and Bronze Age site in Salekhard. *Drevniaia istoriia Nizhnego Priob'ia*, (35), 179–188. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Skochina, S.N. (2012). Complex of the Early Bronze Age of the multilayered settlement Pyakupur 3 in the northern taiga zone of Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 16(1), 31–41. (Rus.).
- Rudkovskii, S.I., Glyzin, I.P. (2007). Excavations of the settlement of Lov-sang-khum II. In: *Arheologicheskie otkrytiia 2005 goda*. Moscow: Institut Arheologii RAN, 509–511. (Rus.).
- Stefanov, V.I., Morozov, V.M. (1992). Eneolithic monument in the Kazym river basin. In: *Problemy finnogorskoj arheologii Urala i Povolzh'ia*. Syktyvkar: KNTs UrO RAN, 77–91. (Rus.).
- Tsetlin, Iu.B. (2017). *Ceramics: Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: Institut arheologii Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Tupakhina, O.S., Tupakhin, D.S. (2018). *Eneolithic settlement Gorniy Samotnel-1: Materials and research*. Omsk: Omskblankizdat. (Rus.).

Пошехонова О.Е., Пилькина А.А., Дубовцева Е.Н.

Vasil'ev, E.A. (1983). Chronology and cultural affiliation of the Early Metal Age monuments in the North Sosva river basin. In: *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: TGU, 40–62. (Rus.).

Vasil'ev, E.A. (1996). Burial complexes of the Yasinsky Lake. In: *Materialy i issledovaniia kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri*. Tomsk, 36–46. (Rus.).

Vasil'ev, E.A. (2000a) Settlement of Vary-Khadyta II and problems of primitive archeology of Yamal. In: *Nauchnyi vestnik*. Salekhard, 24–31. (Rus.).

Vasil'ev, E.A. (2000b). Khulum-sunt settlement. In: *Pamiatniki lugry: Vchera, segodnia, zavtra*. Tomsk: TGU, 59–71. (Rus.).

Vasil'ev, E.A. (2011). Vary-Khadyta Culture and problems of cultural genesis of the North-West Siberia in the Early Bronze Age. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s"ezda*. Velikii Novgorod, 212–214. (Rus.).

Vasil'ev, E.A., Glyzin, I.P. (2008). Iasunskoe settlement is the monument of the Eneolithic on the north Western Siberia. In: *Kul'tury i narody Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniia*. Tomsk, 97–117. (Rus.).

Vasil'ev, E.A., Glyzin, I.P. (2010). Iasunskaiia Eneolithic culture of the north of Western Siberia. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arheologo-etnograficheskikh soveshchani*. Tomsk: Agraf-Press, 121–124. (Rus.).

Пошехонова О.Е., <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Пилькина А.А., <https://orcid.org/0000-0002-9727-394X>

Дубовцева Е.Н., <https://orcid.org/0000-0003-3214-7173>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.09.2022

Article is published: 15.12.2022